

**ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ ФРАКИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА
БАЛКАНАХ И БОЛГАРО-ГРЕЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ
(МАРТ – ИЮНЬ 1941 г.)**

Анатолий Сальков

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

anatsalkov@mail.ru

Греческий вектор событий на фоне превращения Балкан в начальный период Второй мировой войны в кризисный регион стал важным фактором международной политики. Дипломатические поражения СССР 1940 г. на балканском направлении расширили возможности государств «оси», что привело к их агрессии против Греции и Югославии, создав стратегический перевес на юге Европы и дополнительную угрозу нападения на СССР.

Ключевые слова: Западная Фракия, Болгария в фашисткой оси, «Апрельская» война 1941 г., балканская политика

**THE PROBLEM OF WESTERN THRACE IN THE INTERNATIONAL RELATIONS IN THE
BALKANS AND BULGARO-GREEK CONTRADICTIONS
(MARCH – JUNE 1941)**

Anatol P. Salkov

Belarussian State University, Minsk

The Greek vector of events against the background of the transformation of the Balkans in the initial period of the Second World War into a crisis region has become an important factor in international politics. The diplomatic defeats of the USSR in 1940 in the Balkan direction expanded the capabilities of the states of the axis, which led to their aggression against Greece and Yugoslavia, creating a strategic advantage in southern Europe and an additional threat of an attack on the USSR.

Key words: Western Thrace, Bulgaria in the fascist axis, «April» war of 1941, Balkan politics

Проблема доступа Болгарии к Эгейскому [в болгарской исторической традиции «Белому». – А. С.] морю со времен Балканских войн 1912–1913 гг. являлась главным пунктом болгаро-греческих противоречий и заметной международной проблемой [1, 52–69]. Она занимала значительное место в геополитических построениях Коминтерна [2, с. 175–185], была предметом политики памяти и научных интерпретаций и историографиях СССР и всех вовлеченных балканских стран [3, с. 328–338]. Аспирации Германии на

Балканы и фашистская агрессия против Греции в апреле 1941 г. связали данный сюжет с особенностями советской балканской политики [4, с. 50–57].

С начала 1941 г. Советский Союз и Германия вступают в открытую политическую борьбу за Болгарию. На переговорах главы болгарского правительства Богдана Филова с рейхсканцлером Германии А. Гитлером и министром иностранных дел Иохим Риббентропом 4 января в Вене Болгарии был обещан возврат Западной Фракии, что предопределило ее присоединение к «оси». Англия и США развили бурную активность, стремясь удержать Софию от вступления в Тройственный пакт. Лондон встал на путь прямых угроз и официально заявил Болгарии, что в случае ее выступления против Греции, подвергнет ее бомбардировке [5, с. 250–255]. Эмиссар президента США Ф. Рузвельта полковник Уильям Донован, прибывший в январе в Софию в рамках своего средиземноморского турне, якобы даже обещал болгарам американские гарантии независимости и выхода к Эгейскому морю в случае их дружественного Британии нейтралитета, что вызвало ироничные и оценки царя Бориса III. Именно в день начала этого визита в Софии приняли решение не противиться вступлению германских войск в страну [6, с. 280–292].

Текст заявления ТАСС 13 января и заявление наркома иностранных дел В. М. Молотова германскому послу в Москве Вернеру Шуленбургу 17 января 1941 г. по болгарским проблемам выдавали очевидный факт – Москва утратила позиции в этой стране и не влияет на развитие событий. Ближневосточный отдел НКВД 24 января подготовил постфактум две справки – «О Фракии» и «О взаимных территориальных претензиях балканских государств» [7, л. 4]. На встрече советского посла В. Г. Деканозова с болгарским посланником в Прваном Драгановым в Берлине 18 февраля по инерции говорилось, что Москве понятно желание Болгарии получить выход в Эгейское море, а София надеется на поддержку этого желания после войны [8, с. 327, 344, 402–403].

После долгих проволочек София под натиском Берлина 1 марта 1941 г. присоединилась к Тройственному пакту. Важным мотивом этого шага была ее уверенность в мирном устранении несправедливостей Нейского мирного договора с Болгарией от 27 ноября 1919 г. София поставила условие, что ее армия не будет принимать участия в военных действиях, а партнеры по пакту поддержат ее стремление получить участок эгейского побережья [9, с. 24–25, 28–29, 35]. 1–2 марта 680-тысячная армия фельдмаршала Вильгельма Листа вступила в Болгарию. Население восприняло это как реализацию идеала национального объединения, и встретило немецкие войска цветами и хлебом-солью. Интересно мнение турецкой дипломатии, перехваченное берлинской резидентурой НКГБ СССР в конце февраля: Москва «не примет никаких активных шагов в случае оккупации немцами Болгарии» [10, с. 216]. Что касается Греции, то несостоявшиеся приоритеты ее внешней политики касались сближения с Турцией и наращивания собственной военной мощи [11].

6 апреля 1941 г. Германия начала с болгарского плацдарма агрессию против Югославии и Греции. Событие имело глубокий стратегический смысл. Берлинская резидентура сообщала 11 апреля о плане нападения Германии на СССР с предварительным предъявлением ультимативных требований Москве о ее подчинении германской политике. Причем ультиматум увязывался с подавлением сопротивления Греции и Югославии [10, с. 257]. Еще 8 апреля София получила предложение Гитлера начать оккупацию частей Вардарской Македонии и Беломорской Фракии с установлением там своей администрации с тем, чтобы освободить германские войска от этих функций. Царь с готовностью согласился, но отверг фразу «оккупация» в пользу формулировки «сохранение порядка и спокойствия на занятых германцами территории». 21–22 апреля И. Риббентроп и министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано провели в Вене переговоры о разграничении зон влияния в Югославии и Греции. 24 апреля скромная фигура в МИД Германии, заместитель начальника торгово-политического отдела Карл Клодиус, и болгарский министр иностранных дел Иван Попов подписали кабальное секретное соглашение. «Договор Клодиус-Попов» давал Германии право на разработку полезных ископаемых в Болгарии, а та брала на себя расходы по содержанию немецких войск. Важно, что документом подчеркивался временный характер болгарской власти в ее новых землях, которые не подлежали инкорпорации в состав царства, а определение их окончательного статуса откладывалось до окончания войны [12, с. 263].

Болгарские войска еще до капитуляции Греции начали вторжение (19 апреля – 9 мая), а 23 апреля (в день капитуляции) Греция разорвала дипломатические отношения с Софией [13, л. 11]. Болгары заняли район Западной Фракии, с запада ограниченный руслом р. Струмы, а с востока – линией Свиленград (*тур.* Мустафа-паша) – Кёпрюлю (*греч.* Велес) – Дедеагач (*греч.* Александруполис). При этом в Болгарии отвергается положение греческой историографии о болгарской оккупации Беломорья и используется дефиниция «военно-политическое присутствие», трактуемое как право на ввод своих войск [14, с. 38–94]. В немецкую зону оккупации вошли важные в военном отношении районы – Салоники, часть северного побережья Эгейского моря и большая часть нома (округа) Эврос в Западной Фракии, прилегающего к турецкой границе. Болгария взяла под контроль Восточную Македонию и Западную Фракию, создав 23 мая Беломорскую область с центром в Ксанти. Областным управляющим стал Илия Кожухаров, стремившийся

унифицировать положение в области [15]. Междуречье Струмы и Месты определялось как зона для расселения болгар. Греки из всех новых болгарских провинций переселяли в Старую Грецию [16, л. 22].

В северо-восточном углу Западной Фракии была создана и существовала с апреля 1941 г. по ноябрь 1944 г. демилитаризованная буферная зона (*болг.* Димотишка зона) вдоль греко-турецкой границы по р. Марице. Она имела ширину в несколько километров и проходила по линии греческих населенных пунктов Ферес (*болг.* Фере, *тур.* Фереджик) – Суфли (*болг.* Софлу, *тур.* Софулу) – Дидимотихон (*болг.* Димотика, *тур.* Диметока) – восточнее Орестиаса (*болг.* Орестиада, *тур.* Кумчифтли). В этой зоне была сформирована «Марицкая префектура» с греческой администрацией под германским контролем [17, с. 355]. В болгарском обиходе имеется мнение о том, эта зона предназначалась Турции на случай ее присоединения к оси.

Статистика занятого «Беломорья», которое сравнивалось с хорватской Далмацией и итальянской Ривьерой, была приведена в статье «Болгарское “Белое море”» в немецкой газете «München Neueste Nachrichten» («Мюнхенские последние новости») за 25 сентября: Западная Фракия (между реками Марицей и Местой) занимала площадь 8 712 кв. км, Эгейская Македония (между Местой и Струмой) – 6 565 кв. км, эгейские острова Тасос и Самотраки – 565 кв. км. Итого 15 842 кв. км при общей численности населения свыше 600 тыс. человек [18, с. 196–197]. В современной болгарской историографии утвердилась цифра 14 168 кв. км [12, с. 264]. Причем сам характер болгарской власти (вопреки положениям «договора Клодиус-Попов») оценивается как национальное объединение страны. Болгарское управление в Беломорье подается как вполне стационарное. Болгария, экономически обосновываясь на берегу Эгейского моря, в 1941 г. начала возведение государственной судостроительной верфи в Кавале [19; 20].

Отметим неразбериху в советском руководстве касательно характера Апрельской войны. Генсек Исполкома Коминтерна Георги Димитров и секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов 9 апреля сочли нецелесообразным выступать в тот момент с коминтерновским первомайским воззванием: «Делать подробный анализ – значит в некоторой степени раскрывать свои карты, дать повод для неблагоприятного использования врагам и пр.» [21, с. 107]. Вместо воззвания были разработаны вполне нейтральные Директивы компартиям капиталистических стран о проведении 1 мая [22, с. 254–256]. 12 апреля за разъяснениями о характере войны к Димитрову обратилась редактор журнала «Коммунистический Интернационал» К. А. Самуйлович. Все это побудило Димитрова обсудить 18 апреля проблему с И. В. Сталиным, который согласился с предложением считать войну Греции и Югославии против Германии справедливой, но являющейся частью империалистической войны. Болгарская рабочая партия (БРП) также срочно запрашивала 4 мая совет об отношении к «освобождению» Фракии и Македонии [23, с. 110–111]. Однако неясность все равно оставалась, так как Москва избегала открыто и четко декларировать свою позицию. Берлин же, кроме дипломатического, провел и историко-документальное обоснование «апрельской войны». МИД Германии издал сборник документов, в числе которых было 102 документа, касающихся захвата Югославии и 42 – Греции [24, л. 139–171].

Общественная эйфория в Болгарии по поводу национального объединения не позволяла осознать, что оно в значительной степени было фиктивным, так как болгарские войска и администрация на присоединенных землях подчинялись германскому командованию. Глава советской миссии в Софии А. А. Лаврищев направил в центр записку «Экономическое положение в Болгарии» от 30 сентября 1941 г. Комментируя оценки болгарской печати о большом экономическом значении полученных из немецких рук Западной Фракии и Македонии, в записке делался вывод: не известно «как будет выглядеть будущее», а в настоящий момент эти присоединения играют «скорее отрицательную роль в экономической жизни Болгарии» [7, л. 92–95].

Пресса государств «оси» позитивно отозвалась на выход Болгарии к Эгейскому морю. «Deutsche Allgemeine Zeitung» («Немецкая всеобщая газета») дала проболгарский исторический обзор македонского вопроса (16 апреля); отметила, что Фракия, старая болгарская земля, снова в руках Болгарии – «на этот раз окончательно» (12 мая); писала о лихорадочной подготовке в Болгарии к легализации присоединения Фракии и Македонии (14 мая). «Salzburger Landes Zeitung» («Зальцбургская земельная газета») сделала вывод, что Македония не играет самостоятельной политической роли на Балканах, хотя и представляет особую географическую область с выраженным болгарским характером населения (20 апреля). Будапештская «Pester Lloyd» говорила о 330-тысячном болгарском населении на присоединенных греческих областях (23 апреля). Венская «Neues Wiener Tagblatt» писала о славянском большинстве в Македонии, которое чувствует себя болгарским (25 апреля). Римский «Corgiere della Sera» («Вечерний вестник») вопрошал, как Болгария могла «столь долго быть полностью отрезанной от Белого моря» (27 апреля). Берлинская «Das Reich» считала, что сильная Болгария будет «гарантом европеизации Балкан» (15 июня); приводила свою статистику прироста болгарской территории и населения (13 июля). Загребский «Нови лист» поддерживал болгарский захват сербской Македонии на фоне установившихся сердечных болгаро-хорватских отношений (15 июля). Германское телеграфное агентство цитировало Б. Муссолини, заявившего, что Македония болгарская земля, а Западная Фракия – «бессмысленный и вредный коридор, который мешал Болгарии достичь Белого моря» (23 июля 1941 г.) [18, с. 169–172, 176–177, 181–186].

Германия принимала все возможные меры, чтобы включить и Турцию в фарватер своей политики. По агентурному сообщению, полученному НКГБ СССР 28 апреля 1941 г. из Берлина, немцы обещали Турции часть Западной Фракии и другие территории, которые возможно включали и некоторые районы советского Закавказья [25, с. 128]. Это сообщение было разослано 30 апреля высшему советскому руководству, акцентируя сюжет о том, что «немцы обещали Турции часть Фракии..., а также отторжение некоторых советских районов на Кавказе в пользу Турции» [10, с. 295–296].

В эти дни советскому полпредству в Румынии стали известны настроения турецкой миссии: боязнь, что немцы могут в два дня захватить Проливы, так как «Фракию [Восточную. – А. С.] туркам не удержать». В начале июня в Анкаре получили широкое хождение слухи о том, что во время берлинских бесед В. М. Молотов требовал военных баз в Проливах и передачи Болгарии части турецкой Фракии [26, с. 747–749]. Советская резидентура сообщила из Софии 4 июня о том, что продолжался отвод германских войск из Болгарии и Греции в Румынию к советской границе. Это влекло окончательную оккупацию Греции болгарскими войсками. При этом Царь Борис и Б. Филев старались «выторговать себе за это ряд территорий и на юге [в греческой и югославской частях Македонии, в греческой Западной Фракии. – А. С.], и на севере [в районе румынской Добруджи. – А. С.] [10, с. 346–347].

18 июня 1941 г. Турция подписала в Анкаре Договор о территориальной неприкосновенности и дружбе с Германией. Примечательно, что в первой половине июня в болгарской провинциальной прессе («Черно море», «Народна борба», «Вечерня бургаска поща») распространялись идеи о намерении СССР выйти через Персидский залив в Индийский океан, отчего вопрос о Дарданеллах утратил бы свою болезненную актуальность [7, л. 170–172].

«Беломорская проблема», зажата в годы Второй мировой войны между греческим и болгарским полюсами советской внешней политики, оказала большое влияние на позицию Болгарии. Несмотря на сильный прессинг Берлина, Болгария единственной из стран «оси» сохранила дипломатические отношения с СССР после начала советско-германской войны [27, с. 547–568]. Более того, болгарская миссия в Москве специальными нотами в НКВД от 24–25 июня 1941 г. приняла на себя заботу об интересах на территории Советского Союза воюющих против него Германии, Румынии и Венгрии [28, л. 57–59].

1. Сальков А. П. «Беломорская» проблема как фактор международных отношений (XIX–XX вв.) // Вопросы истории (Москва). 2006. № 3. – С. 52–69.
2. Сальков А. П. Проблема болгарского выхода к Эгейскому морю в советской внешней политике и планах Коминтерна (1923–1938 гг.) // Внешнеполитические интересы России: история и современность: матер. V Всерос. науч. конф., Самара, 27 апреля 2018 г. / А. Н. Сквозников (отв. ред.). – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2018. – С. 175–185.
3. Сальков А. П. Болгаро-греческий конфликт в Западной Фракии (1912–1938): историографические интерпретации и объективная реальность // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: матер. междунар. науч. конф., Минск, 5 октября 2018 г. / С. Н. Ходин (отв. ред.) – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – С. 329–338.
4. Сальков А. П. Фашистская агрессия против Греции в балканской политике СССР (октябрь 1940 – июнь 1941 г.) // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945: сб. навук. артык. / Гомельскі дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны; редкол.: М. М. Мязга. – Гомель : ГДУ, 2020. – С. 50–57.
5. Болгария в XX веке: Очерки политической истории / Е. Л. Валева (отв. ред.). М. : Наука, 2003. – 464 с.
6. Збоев А. В. Активизация политики США на Балканах в начале 1941 г.: визит полковника У. Донована в Софию // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. 2014. № 2. С. 280–292.
7. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 74 (Референтура по Болгарии). Ф. 74. Оп. 23. П. 12. Д. 10.
8. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. – Т. XXIII: в 2 кн. / редкол. Г. Э. Мамедов [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–1998. Кн. 2 (1): 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. 1998. – 444 с.
9. България своенравният съюзник на Третия райх. Сб. док. / Витка Тошкова (съст.). – София : Изд. «Св. Георги Победоносец», 1992. – 362 с.
10. Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки РФ. 1939–1941 / Л. Ф. Соцков (сост.). – М. : Вече, 2021. – 480 с.
11. Квашнин Ю. Д. Греция в международных отношениях (1936–1941). – М. : Изд-во МГУ : Греческий культурный центр, 2011. – 216 с.
12. Филчев Иван. Тракийският въпрос и тракийското движение в България. – София : Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2007. – 363 с.
13. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 25. П. 14. Д. 8.
14. Йончев Димитър. България и Беломорието (октомври 1940 – 9 септември 1944 г.). Военнополитически аспекти. – София: Дирум, 1993. – 200 с.
15. Райчевски Стоян. Беломорска България (1941–1944). – София : Български бестселър, 2010. – 352 с.
16. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 23. П. 12. Д. 8.
17. Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи. 1878–1944: в 4 т. / Добрин Мичев (отг. ред.). – София : Македонски научен институт, 1994–2003. Т. 4: Освободителните борби след Първата световна война. 1919–1944 / Стоян Германов (ред. на том). 2003. – 478 с.
18. Райчевски С. Българите в световните хроники 1939–1943. – София : Български бестселър, 2003. – 332 с.

19. Стоянова Ваня. Беломорието под българското управление през Втората световна война // Националното обединение на България 1940–1944 г. Сборник доклади от националната научна конференция в Благоевград, 14–15 април 2011 г. / съст. Трендафил Митев, Александър Гребенаров. София : Македонски научен институт, 2012. С. 59–75.
20. Славов Слави. Българската държавна корабостроителница в Кавала 1941–44 г. // Пак там. С. 403–414.
21. Димитров Георги. Дневник, март 1933 – февруари 1949. Избрано. – София : «Изток-Запад», 2003. – 509 с.
22. Димитров и Сталин (1934–1943): писма от съветските архиви / Александър Далин, Ф. И. Фирсов (съст.). – София : Прозорец, 2003. – 365 с.
23. Коминтерн и Вторая мировая война. [Документы]: в 2 ч. – М. : Памятники историч. мысли, 1994–1998. Ч. 1: до 22 июня 1941 г. 1994. – 554 с.
24. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-9401 («Особая папка» И. В. Сталина; «Особая папка» В. М. Молотова. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1956 гг.). Оп. 2. Д. 141.
25. 1941 год. [Документы]: в 2 кн. / Л. Е. Решин (сост.). – М. : МФД, 1998. Кн. 2. – 752 с.
26. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. – Т. XXIII: в 2 кн. / редкол. Г. Э. Мамедов [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–1998. Кн. 2 (2): 2 марта 1941 – 22 июня 1941. 1998. – 448 с.
27. Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.
28. АВПРФ. Ф. 74. Оп. 23. П. 12. Д. 2.